

18+

Лео Любавич

Горное эхо Семиречья

Лео Любавич

Горное эхо Семиречья

Любавич Л.

Горное эхо Семиречья / Л. Любавич —

Окунитесь в мистический мир Семиречья! Эта книга — путеводитель по сокровенным уголкам Жетысу, где каждая скала, река и древнее урочище хранят тайны веков. Откройте для себя легенды знакомых и затерянных мест Семиречья, переплетение истории, мифов и народной мудрости. Вас ждут захватывающие предания о героях и духах, любви и предательстве, сокровищах и проклятиях. Погрузитесь в волшебство края семи рек, где оживают голоса прошлого, а природа сама рассказывает свои древние истории.

© Любавич Л.

Содержание

Жасылколь	6
Тазбас	8
Большое Алматинское озеро	11
Кузнечик-мудрец	14
Дары хранителей Чинтургеня	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Горное эхо Семиречья

Лео Любавич

© Лео Любавич, 2026

ISBN 978-5-0069-7720-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Жасылколь

Прислушайтесь к шёпоту ветра, что гуляет над изумрудной водой, и я поведаю вам, как родилось это озеро, чье имя Жасылколь – Зеленое Озеро – отзывается эхом в сердцах гор.

Началась та история со стога, что издала сама земля. Гул, глубокий и страшный, прошел по степям, заставив ковыль припасть к земле, а зверей замереть в ужасе. И в тот же миг... погасло солнце. Оно не закатилось за горизонт, а просто исчезло с небес, словно кто-то сдернул с мира золотое покрывало. Мир погрузился в холодную, липкую тьму. Люди, ослепшие и испуганные, зажигали огни, но их слабый свет лишь подчеркивал бездонную черноту вокруг. Все ждали ночи, надеясь, что серебряный лик луны подарит им хоть толику света и надежды. Но когда пришел ее час, луна тоже не взошла. Мрак стал абсолютным. Сами звезды, казалось, в страхе спрятались, и мир застыл в безмолвном, ледяном оцепенении.

В одном из аулов жили юноша и девушка, чья любовь была ярче любого светила. Его звали Айдар, и глаза его были глубоки, как ночное небо. Ее звали Шолпан, и смех ее звенел, как утренняя звезда. Видя, как отчаяние сковывает сердца их сородичей, они поклялись друг другу, что не дадут миру умереть во тьме. Взявшись за руки, они шагнули прочь из аула – в непроглядную ночь, чтобы найти и вернуть людям похищенный свет.

Долог был их путь сквозь ослепший мир. Они шли на ощупь, ведомые лишь теплом своих рук и стуком любящих сердец. И вот, когда силы их были уже на исходе, они увидели вдали слабое, трепещущее сияние. Оно то разгоралось, то угасало, словно гигантский светляк. Собрав последние силы, Айдар и Шолпан пошли на этот призрачный свет.

Вскоре они вышли к берегу огромного горного озера, чьи воды были чернее самой ночи. А на берегу, в свете украденных светил, два исполинских дракона играли с солнцем и луной. Чешуя их была цвета застывшей лавы, а из ноздрей вырывались клубы едкого дыма. Они подбрасывали золотой шар солнца, и он озарял окрестные скалы багровым светом, а потом перекачивали серебряный диск луны, и вода в озере вспыхивала холодным огнем.

Спрятавшись за валуном, влюбленные в ужас смотрели на эту кошунственную игру. Как одолеть чудовищ, что могут играть небесными светилами? Их взгляд упал на пещеру неподалеку, из которой тонкой струйкой тянулся дымок. Рискнув всем, они прокрались к ней. Внутри, у очага, сидела сгорбленная старуха, седая, как горный снег. Она рассказала им свою печальную повесть: драконы похитили ее много веков назад и держали в плену, заставляя готовить для них пищу из диких архаров.

Айдар и Шолпан поведали ей о своей клятве, и в глазах старухи, потухших от долгого горя, зажегся огонек надежды. Вместе они стали думать, как одолеть могучих ящеров. И тут старуха, наморщив лоб, вспомнила.

– Они всеильны, – прошептала она, – но есть у них одна слабость. Когда я готовлю им жаркое, они всегда грозят мне страшной карой, если я добавлю в котел хоть веточку тархуна, степной травы. Говорят, от ее горького духа их огненная кровь стынет в жилах.

Это был их единственный шанс! Пока старуха разжигала огонь под огромным казаном, Айдар и Шолпан выскользнули из пещеры и в темноте нарвали целую охапку пахучего, горького тархуна. Они бросили его в кипящее варево, и по пещере поплыл терпкий аромат.

Вскоре драконы, натешившись своей игрой, с грохотом приползли на ужин. Они жадно пожрали мясо, не заметив незнакомого привкуса. И спустя мгновение их чудовищные головы одна за другой стали клониться к земле. Сон, глубокий и неестественный, сморил их. Тогда Айдар выхватил свой охотничий нож и, собрав всю свою волю, перерезал им толстые глотки.

Солнце и луна были спасены. Они лежали на берегу, излучая мягкий, теплый свет. Но как вернуть их на небо? Даже вдвоем Айдар и Шолпан не могли сдвинуть их и на палец.

И снова им помогла мудрая старуха.

– Я слышала в древних преданиях, – сказала она, – что вся сила дракона сокрыта в его глазах. В них горит пламя, способное плавить скалы, и таится мудрость, древняя, как сами горы.

Решение было страшным, но иным путем светила было не вернуть. Преодолев отвращение, юноша и девушка съели по глазу дракона, похожему на самоцвет, внутри которого тлел уголек. И в тот же миг их тела пронзила небывалая сила! Кости их затрещали, удлиняясь, мышцы налились каменной твердостью. Они росли, поднимаясь все выше и выше, пока их головы не коснулись низких облаков. Они стали великанами, подобными самим горам.

Теперь им ничего не стоило поднять солнце. Айдар бережно взял в ладони теплый, сияющий шар и могучим броском отправил его на восток, в его небесную колыбель. А Шолпан нежно подхватила прохладный серебряный диск и вернула его на западную сторону неба.

И мир проснулся! Первые лучи солнца коснулись гор, и они зарделись розовым. Свет залил долину, и влюбленные увидели, какой неземной красотой было одарено это место. А озеро... оно оказалось не черным, а ослепительно-изумрудным, впитавшим в себя цвет драгоценных камней и чистоту небес.

Пораженные этой красотой, Айдар и Шолпан решили не возвращаться. Они остались здесь, на берегу чудесного озера, став его хранителями. Со временем их исполинские тела обратились в две высокие горы, что и поныне стоят рядом, оберегая покой Жасылколя – Зеленого Озера, рожденного из тьмы и спасенного великой любовью.

Тазбас

Садитесь поближе к огню, дети мои, и пусть его треск заглушит вой ночного ветра, ибо я расскажу вам историю из тех времен, когда мир духов был так близко, что его дыхание можно было почувствовать на своей щеке. Историю о том, как мудрость и игла оказались сильнее тьмы.

Жила в одном ауле женщина по имени Айсулу, чья красота была подобна цветку, распустившемуся после весеннего дождя. Но со временем цветок этот стал увядать. Каждую ночь, едва ее веки смыкались, сон, что должен был стать тихой гаванью, превращался в черный колодец, кишачий змеями страха. Она просыпалась в холодном поту, с криком на губах, и к утру от ее красоты оставалась лишь тень.

Поделилась она своим горем с соседками, качая головой у казана. Женщины сочувственно цокали языками, но лишь одна, самая древняя старуха в ауле, чьи глаза видели больше, чем сто сменявших друг друга лун, подозвала Айсулу к себе.

– Это не твоя душа больна, дитя мое, – прошептала она, и голос ее был сух, как степной ковыль. – Каждую ночь в твою юрту является гостья, которую ты не видишь. Имя ей – албасты. Она садится у твоего очага, распускает свои волосы, похожие на черные реки, и вплетает в твой сон кошмары.

Айсулу похолодела. Но старуха взяла ее за руку своей, похожей на корень саксаула, ладонью.

– Не бойся. Тьму можно пронзить. Этой ночью, прежде чем лечь, положи под подушку самую длинную и острую иглу, что найдешь. Притворись спящей, но слушай тишину. Когда полночь перевалит за свой пик, ты почувствуешь холод. Это придет она. Албасты всегда садится напротив входа, за остывающим очагом. Ты не увидишь ее, но твое сердце подскажет, где она. Метни иглу в это место со всей силы! Как только сталь коснется ее плоти, пелена спадет с твоих глаз.

Старуха наклонилась еще ближе.

– Она не сможет сама вынуть иглу, это наш, человеческий, металл. Она будет молить, сулить, угрожать. Сделай вид, что хочешь помочь, но вместо этого выдерни гребень из ее спутанных волос. В гребне – вся ее сила, весь ее дух. Как только он окажется в твоих руках, она станет твоей работой. И тогда зови меня. Дальше я знаю, что делать.

Ночь опустилась на аул, черная и беззвездная. Айсулу сделала все, как велела мудрая женщина. Лежа под одеялами, с ледяной иглой в руке, она чувствовала, как бешено колотится ее сердце. И вот, в густой тишине, она ощутила его – леденящий сквозняк, запах болотной тины и гнилых листьев. Холод сгустился в тени у очага. Собрав всю свою волю в кулак, Айсулу села и метнула иглу в пустоту.

Раздался пронзительный, нечеловеческий визг, и тьма в углу сгустилась, обретая форму. Перед ней сидела тварь – прекрасная и жуткая одновременно. Бледная кожа, горящие, как уголья, глаза, и волосы... волосы, что водопадом черной воды струились до самого пола. А в боку ее, словно злой серебряный глаз, торчала игла.

– Вынь! – прошипела албасты. – Вынь иглу, смертная, и я осыплю тебя золотом, что тяжелее тебя самой! Я верну тебе молодость, что не увянет тысячу лет!

Айсулу, помня наказ, подошла, дрожа, и сделала вид, что тянется к игле. Но рука ее молнией метнулась к голове твари и вырвала из спутанных кос тяжелый, костяной гребень. Албасты завывала, но уже не от боли, а от бессилия, и рухнула на пол. Айсулу же послала свою старшую дочь за мудрой соседкой.

Вскоре пришла старуха, неся в руке тусклый фонарь. Она взглянула на поверженную нечисть и усмехнулась в морщины.

– Я вытащу иглу и верну твой гребень, дух ночи, – сказала она спокойно. – Но взамен ты исполнишь одно мое желание.

Албасты, надеясь обмануть старуху, тут же согласилась.

– Желание мое так велико, – продолжила старуха, – что тебе одной с ним не справиться. Ступай сейчас, и приведи сюда всех своих сестер, всю свою родню, какую только сможешь найти. Завтра в полночь ждите меня на холме у пересохшего ручья. Там я и скажу, чего хочу.

Албасты, обрадованная скорым освобождением, растворилась во тьме. А мудрая старуха повернулась к Айсулу:

– Теперь за работу. Соберите со всех юрт все иглы, какие есть!

На следующий вечер две женщины отправились на холм. Землю вокруг себя они густо усеяли иглами, воткнув их острием вверх, словно вырастили смертоносную траву. И в складки своей одежды они тоже воткнули десятки игл, превратившись в колючих, неприступных ежей.

Ровно в полночь воздух задрожал от шепота и хихиканья. Из-за холмов, из ущелий, из степной мглы потекла река тьмы – тысячи албасты явились на зов сестры. Увидев двух женщин, они с воем и гиканьем ринулись на них, предвкушая легкую расправу. Но первая же волна нападавших с визгом напоролась на невидимые в темноте иглы. Те, кто смог перепрыгнуть через первую преграду, врезались в женщин и тут же отскакивали, исколотые иглами, спрятанными в одежде.

Начался хаос. Албасты, ослепленные яростью и болью, не могли ни подойти к женщинам, ни отступить. Они были в ловушке. Так, до самого рассвета, женщины держали в плену целое войско ночных тварей. А как известно, вся сила албасты – в их волосах. Вооружившись ножницами, старуха и Айсулу до утра стригли пленниц, и с каждым отрезанным локоном сила покидала их.

И когда первый луч солнца, робкий и золотой, коснулся вершины холма, произошло чудо. Остриженные, обессиленные албасты, пойманные светом дня, стали застывать и каменеть.

Так и появился на этой земле холм, усеянный странными каменными истуканами, похожими на плешивые головы. С тех пор люди зовут это место Тазбас – Лысая Голова. А племя албасты обходит эти края стороной, помня о ночи, когда две смертные женщины мудростью и простой швейной иглой победили целое войско тьмы.

Большое Алматинское озеро

Садись поближе, путник, да подкинь в очаг саксаула. Ночь в предгорьях Заилийского Алатау длинна и холодна, а горы умеют хранить тайны. Я расскажу тебе одну из них – легенду, что стара, как эти седые вершины, и чиста, как вода в озере, о котором пойдет речь.

Давным-давно, когда склоны гор были покрыты яблоневыми лесами, а по степи гулял ветер, еще не знавший запаха городов, жил в предгорьях старик со своей старухой. Единственной их радостью и богатством был сын, да табун в триста белоснежных аргамаков, чьи гривы в лунном свете казались реками из жидкого серебра.

Вырос сын, по имени Алмас, стал строен, как молодой тополь, и пришло время ему постигать мудрость мира. Отвели его родители к почтенному мулле, слава о котором гремела по всей степи, и отдали за учение сто лучших коней. Прошел год. Вернулся Алмас домой, и родители спросили: «Ну, сын наш, какие суры из Корана ты выучил, какие законы шариата постиг?» А Алмас, улыбнувшись, достал из-за пазухи резную доску и расставил на ней фигурки из слоновой кости и черного дерева. «Я научился видеть на десять ходов вперед, – ответил он. – Я постиг искусство шахмат». Побранили его старики, но что делать – отдали мулле еще сто коней и отправили сына учиться дальше.

Прошел еще один год. Снова вернулся Алмас. «Теперь-то ты стал мудрецом?» – с надеждой спросил отец. Но Алмас взял в руки домбру, и полилась из-под его пальцев песня. Он пел о любви и разлуке, о доблести батыров и плаче матерей. Его голос проникал в самую душу, заставляя плакать старых воинов и смеяться юных девушек. Сильно опечалились родители. Вся их жизнь прошла в труде, а сын постигал лишь бесполезные забавы. Но вера в него была еще жива. Отдали они мулле последний табун – сто оставшихся аргамаков – и в третий раз отправили сына на учение.

Когда Алмас вернулся через год, он застал родительский дом в полном запустении. Старики сидели у потухшего очага, худые и изможденные. «Что же ты принес нам, сын?» – безжизненным голосом спросила мать. Алмас молча взял перо, обмакнул его в тушь и на листе белой бумаги вывел арабской вязью строки из древней поэмы. Каждая буква была произведением искусства, каждый изгиб – совершенством. Он научился искусству каллиграфии. Но муллой он так и не стал.

Зарыдали старики. Все их богатство, вся их жизнь были отданы за то, чтобы их сын научился игре, песням да красивым завитушкам. Но Алмас обнял их и сказал твердо:

– Не горюйте, отец и мать. Знания, что я получил, ценнее любого табуна. Я сделаю так, что вы снова будете жить в достатке. Хан наш несметно богат, а делиться не любит. Я сделаю подкоп в его сокровищницу и возьму лишь один камень, но такой, что вернет нам все сторицей.

Как сказал, так и сделал. Под покровом ночи он прорыл ход в ханскую казну. При свете факела перед ним россыпью горели алмазы, изумруды и рубины. Но взгляд его упал на один камень – крупный сапфир, что сиял холодным, глубоким светом, словно вобрав в себя цвет высокогорного озера в ясный день. Едва он взял его в руки, как его схватила стража.

Разгневался хан, узнав о дерзком воре. Он велел немедленно казнить юношу, но не простой, а мучительной смертью: запрячь его в бычью упряжку и гнать до самого ущелья Ак-Сай, где со скалы сбрасывали преступников.

Погнали стражники Алмаса. Путь был долог. Проходя мимо одного богатого аула, они услышали звуки веселого тоя – хозяин женил сына. Стражникам, измученным дорогой, захотелось выпить кумыса и отведать свежего мяса. Они вошли в самую большую юрту, а пленника оставили снаружи, привязанным к арбе. И тогда Алмас, оставшись один под звездами, запел. Он пел о своей судьбе, о родительской печали, о красоте родной земли. Песня его была так

прекрасна и трогательна, что музыка в юрте стихла, смех замер, и все гости, включая самого хозяина, вышли наружу.

– Пригласите этого певца! – потребовали они. – Такой голос – дар небес!

Стражники, не смея ослушаться, ввели Алмаса в юрту. Он пел до глубокой ночи, и никто не мог оторвать от него восхищенных взглядов. А стражники, пользуясь гостеприимством, пили вино без меры, пока тяжелый хмель не свалил их на кошму. Тогда Алмас осторожно вытащил из-за пазухи спящего начальника стражи ханский указ. При тусклом свете очага он развернул его. А затем, взяв перо и тушь, своим каллиграфическим почерком, в точности повторяя надменный росчерк хана, он переписал приказ. Теперь в нем говорилось: «Юношу, доставившего сей указ, за его великие таланты назначить правителем этих земель. А сопровождающих его стражников, что в пути пьянствовали и роняли честь ханской службы, – казнить». Он вложил бумагу обратно стражнику за пазуху.

Наутро хмельные стражники доставили Алмаса к месту назначения. Местные чиновники развернули указ, прочли его, и лица их вытянулись от удивления. Но приказ хана – закон. Стражников казнили, а Алмаса с почестями усадили на почетное место. И сказал ему главный визирь:

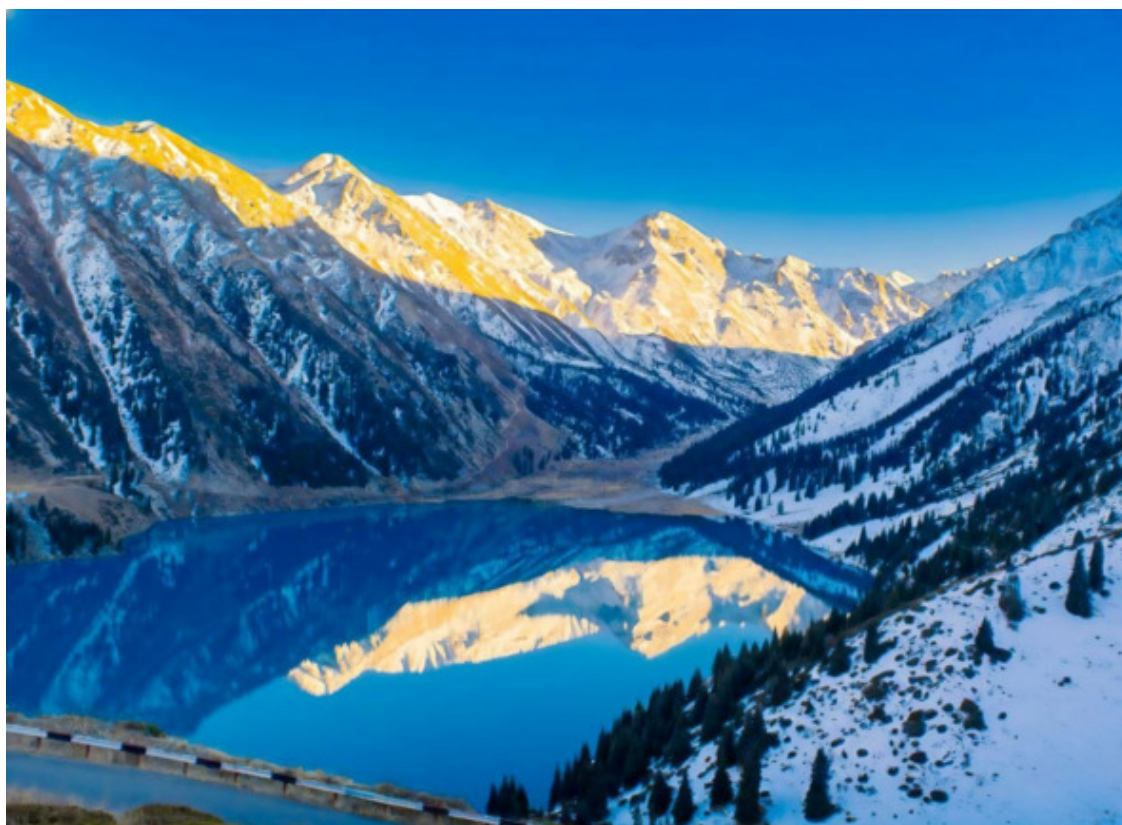
– У нас есть древний обычай. Каждый новый правитель должен доказать свою мудрость, сыграв в шахматы с хранительницей нашего края – Су Периси, водяной девой, что живет в Большом Алматинском озере, чьи воды цвета бирюзы. Выиграешь – станешь великим правителем. Проиграешь – озеро заберет тебя навсегда.

Алмас согласился. Его привели к озеру, что лежало в каменной чаше среди заснеженных вершин. Вода в нем была нереального, пронзительно-бирюзового цвета. Из самых глубин поднялась дева неземной красоты, с волосами цвета водных струй и глазами, как два сапфира. Перед ними на берегу сама собой возникла доска из лунного камня с фигурами из горного хрусталя и черного обсидиана.

Три дня и три ночи длилась их игра. Казалось, Су Периси видит саму душу Алмаса. Она предугадывала каждый его ход, теснила его фигуры, и вот уже его хрустальный король оказался в смертельной ловушке. Но в самый последний момент Алмас, вспомнив все, чему учил его старый мулла, сделал ход – тихий, неожиданный, гениальный в своей простоте. Он пожертвовал последней сильной фигурой, чтобы открыть путь слабой пешке. Водяная дева замерла, вглядываясь в доску. На ее лице впервые отразилось изумление. Она увидела всю глубину замысла, всю неотвратимость поражения. Она молча склонила голову и медленно погрузилась обратно в бирюзовые воды.

Так юноша, чьи знания казались бесполезными, стал мудрым и справедливым правителем. Он перевез к себе отца с матерью, и они дожили свой век в почете и счастье на берегу прекрасного озера.

И говорят с тех пор, что в тихие, безветренные дни, когда гладь Большого Алматинского озера становится как зеркало, в его бирюзовой глубине можно разглядеть призрачные очертания шахматной доски из лунного камня. Это память о том, как мудрость, скрытая в песне, искусном письме и древней игре, оказалась сильнее ханского гнева и даже магии водяной девы.

Кузнечик-мудрец

Вслушайтесь, странники, в песню ветра, что гуляет по долине Семи Рек, и я расскажу вам предание, старое, как седые вершины Заилийского Алатау. Это история о том, как мудрость находят не на страницах книг, а в шепоте трав и крике птиц.

В те давние времена, когда мир был юн, жил в одном ауле юноша. Был он худ и высок, с длинными, тонкими ногами, и за эту его нескладность люди прозвали его Шегиртке – Кузнечик. Родители, желая сыну лучшей доли, отдали его в медресе к ученому мулле, чтобы постигал он священные письмена. Три года Шегиртке сидел над книгами, но буквы расплывались перед его глазами, а мудреные слова влетали в одно ухо и тут же вылетали из другого. Душа его не лежала к сухим строкам – она рвалась в степь, к вольному ветру и пахучему чабрецу. Наконец, терпение муллы иссякло, как горный ручей в летний зной.

– Иди прочь, ленивец! – воскликнул он, выталкивая Шегиртке за ворота. – Возвращайся в свой аул, от тебя нет никакого толка!

– Но как же я вернусь, почтенный? – взмолился юноша. – Три года я был у вас, а не выучил и одной молитвы. Мне стыдно предстать перед отцом с пустой головой.

Сжалился мулла над его искренним горем.

– Хорошо, – сказал он, смягчившись. – Я не могу вложить мудрость в твою голову, но дам тебе совет. Мир – это величайшая из книг, Шегиртке. Иди домой и учись читать ее страницы. Слушай каждый звук, смотри на каждый знак, и, быть может, ты постигнешь больше, чем сокрыто в моих фолиантах.

И Шегиртке отправился в путь. Он запахнул свой потертый овчинный халат, подпоясался и побрел по степной тропе, внимая наказу учителя. Вскоре он увидел на высоком туранговом дереве огромного черного ворона. Птица важно сидела на ветке и хрипло каркала на всю округу: «Ува-а, ува-а!»

«Вот первый стих из книги мира, – подумал Шегиртке. – Надо его запомнить». И он пошел дальше, повторяя себе под нос: «Ува-а, ува-а».

Вдруг мимо него, взметая пыль, пронеслись две пугливые сайги. Их тревожный крик был похож на слова: «Жорон, жорон!» Шегиртке кивнул и добавил этот звук в свою память. Пройдя еще немного, он заметил у дороги двух мышей-полевок. Они проворно рыли землю, выбрасывая ее лапками, и при этом тихо попискивали: «Бувс, бувс». Юноша запомнил и этот тихий шепот земли.

К вечеру дорога привела его к стоянке каравана, что шел по Великому Шелковому пути. Китайские купцы жарили на огне ароматное мясо. Голодный Шегиртке подошел к ним, но, не зная их языка, попытался жестами спросить о цене. Он показывал на большой кусок, потом на маленький. В ответ купцы, смеясь, стали показывать ему странный знак: большой палец они вскидывали вверх, а мизинец опускали вниз, будто спрашивая: «Тебе это, что велико, или то, что мало?» Не поняв их, но запомнив причудливый жест, Шегиртке побрел дальше.

Так, с этими четырьмя крупными степенными мудростями, он дошел до ставки могущественного хана Семиречья. Дворец хана стоял в плодородной долине реки Или, а за ним, словно спящий гигант, возвышался знаменитый Поющий Бархан – Айгайкум. Говорили, что когда дует ветер, бархан поет таинственные песни, предсказывая будущее.

Хан был в великой печали: у него пропал драгоценный перстень с изумрудом, цветом как воды Иссык-Куля. Услышав, что в его владения пришел юноша, три года учившийся в медресе, хан решил, что это знак небес.

– Ты, должно быть, великий мудрец, – сказал он Шегиртке. – Найди мой перстень. Найдешь – озолочу. Не найдешь – твоя голова украсит пику у ворот.

У Шегиртке от страха душа ушла в пятки. Но он вспомнил совет муллы и решил положить на судьбу.

– О, великий хан, – сказал он как можно более важно. – Для такого гадания мне нужен покой. Отведи мне отдельную юрту у подножия священного Айгайкума, пришли лучших яств, ибо думы требуют сил. Я буду вопрошать духов три дня, а на четвертое утро дам ответ.

Хану понравилась основательность мудреца. Шегиртке отвели в белоснежную юрту, принесли плов и кумыс. Наевшись до отвала, юноша уселся на мягкие корпе и, не зная, что делать, стал вслух повторять то, что выучил в пути.

– Ува-а, ува-а, – прокаркал он, вспоминая ворона.

А хан тем временем послал своего визиря подслушать, как идет гадание. Визирь подкрался к юрте и приложил ухо к войлоку. Услышав вороний крик, он отпрянул. «Он заметил меня! – подумал он. – Мудрец назвал меня падальщиком, что кружит в ожидании!» Испуганный, он доложил хану о прозорливости юноши.

На второй день хан отправил к юрте свою жену и дочь. Они подкрались, как две осторожные лани, и услышали, как Шегиртке произносит крик сайги: «Жорон, жорон!» Женщины ахнули и поспешили к хану.

– Он великий провидец! Он знает о каждом нашем шаге, он услышал нашу легкую поступь!

На третий день сам хан, заинтригованный, решил проверить мудреца. Тихо, как барс, он подкрался к юрте и заглянул в щель. Шегиртке сидел в глубокой задумчивости и молча показывал жест китайских купцов: большой палец вверх, мизинец вниз. А потом вдруг прошептал мышинный писк: «Бувс, бувс». Хан замер. «Он знает, что я здесь! – пронеслось у него в голове. – Этим знаком он показывает, что я – великий хан, а вор – ничтожество, мышь, что роет себе нору в земле! Он все знает!»

Наступило утро четвертого дня. Шегиртке понял, что пришел его смертный час. «Пропаду, так хоть наемся в последний раз», – решил он и съел остатки плова. Поглаживая раздувшийся живот, он с тоской проговорил:

– Эх, конец тебе, живот мой, приходит... Конец...

В это время мимо юрты проходила одна из служанок ханши, беременная и потому незаметная. Это она, искушенная блеском изумруда, украла перстень и спрятала его у себя под одеждой, в складках на животе. Услышав слова «мудреца», она решила, что он говорит о ней и о ее тайне, сокрытой в животе! В ужасе она вбежала в юрту, упала в ноги Шегиртке и, протягивая перстень, стала молить о пощаде.

– Возьми, только не губи меня! – рыдала она.

Не успел изумленный Шегиртке прийти в себя, как в юрту вошел хан со своей свитой. Увидев перстень в руках юноши и плачущую служанку у его ног, хан поразился.

– Ты и впрямь величайший из мудрецов! – воскликнул он. – Ты не только нашел мой перстень, но и вывел на чистую воду воровку, даже не покидая своей юрты!

Хан щедро наградил Шегиртке. Он дал ему мешок золота, табун лучших скакунов и прекрасную юрту, украшенную шелками. Юноша, который еще утром готовился к смерти, стал самым уважаемым человеком в ханстве.

Но Шегиртке не возгордился. Он понял, что настоящий ум – это не знание мертвых букв, а умение слушать и видеть живой мир. Он вернулся в свой родной аул, но не как неудачник, а как мудрец. Он не хвастал своим богатством, а помогал сородичам, давая им советы. И советы его были просты и мудры, как сама природа. Если кто-то спрашивал его, когда сеять ячмень, он смотрел на полет ласточек. Если кто-то не мог найти пропавшую овцу, он слушал, о чем шепчет ветер в камышах.

И люди поняли, что мудрость его была не в книгах, а в сердце, открытом для голоса степи. А прозвище Шегиртке – Кузнечик – перестало быть насмешкой. Оно стало почетным

именем, ведь кузнечик, хоть и мал, но слышит каждый шорох в высокой траве и знает все тайны летнего дня.

Так и прожил свою жизнь Шегиртке, самый мудрый человек Семиречья, который не умел читать, но который научился понимать язык земли, неба и всего живого, что дышит под вечным солнцем. И предание о нем до сих пор живет, передаваясь от отца к сыну у вечернего костра, как напоминание о том, что самая главная книга всегда открыта перед нашими глазами.

Дары хранителей Чинтургена

Сядьте поближе к огню, дети гор, и пусть треск арчи в костре унесет вас в те времена, когда горы Заилийского Алатау были молоды, а мир был поделен не на богатство и бедность, а лишь на честь и бесчестие.

В предгорьях, где река Тургень начинает свой бурный бег, жили два брата. Старшего звали Бахыт, что значит «счастье» или «богатство», и имя его определило его судьбу. Его юрта была самой белой, стада его – самыми тучными, а жена его славилась своей красотой и спесью. Дети его росли в шелках, не зная нужды. Младшего же звали Арман, что значит «мечта», и вся его жизнь была лишь несбыточной мечтой о достатке. Его шалаш едва укрывал от непогоды, а единственным его богатством был верный конь, худой, как и он сам.

Однажды Бахыт, чье богатство распирало его, словно кумыс – кожаный торсык, решил устроить великий той. Созвал он ханов и султанов, биев и батыров со всего Семиречья. Звуки домбры и кобыза летели над степью, аромат бешбармака сводил с ума, а земля стонала под копытами тысяч гостевых коней. Арман ждал. Он сидел у своего шалаша, вглядываясь вдаль, ожидая гонца от брата. Но гонец так и не прискакал. Сердце его сжалось от обиды, но он смолчал.

Прошло время, и Бахыт устроил новый той, еще пышнее прежнего. И снова имя Армана не прозвучало среди приглашенных. И тогда душа бедняка стала тонкой, как осенняя паутина. «Если я не нужен даже родному брату, – подумал он, – то зачем я нужен этому миру?»

С этой горькой мыслью он отправился вглубь Тургеньского ущелья, туда, где даже смелые охотники не рисковали оставаться на ночь. Он шел все выше, мимо ревущих водопадов, пока не достиг запретного места – Чинтургенских моховых ельников. Там, в вечной тени, на земле лежит изумрудный мох, глубокий и мягкий, как сто перин, а под ним таится вековая мерзлота. Время в этом лесу течет иначе, и воздух пропитан тайной. Арман выбрал самую древнюю, корявую тянь-шаньскую ель, чьи ветви-лапы были покрыты седыми лишайниками, и стал развязывать свой пояс, чтобы сделать петлю.

Вдруг тишину нарушил голос, похожий на шелест мха:

– Что ты задумал, сын человеческий?

Арман вздрогнул и поднял голову. На могучих ветвях ели сидели семеро. Не люди и не звери – существа, сотканные из мха, корней и горного тумана. Глаза их горели, как холодные звезды. То были древние духи, Хранители Чинтургена. Но страха в душе Армана уже не было, лишь горькая пустота. И он поведал им свою историю.

Выслушали его духи, и старший из них, чей лик был подобен старому камню, сказал:

– Твоя жизнь еще не окончена. Подойди. Мы дадим тебе то, чего ты ищешь, но помни – не богатство делает человека счастливым, а то, как он им распоряжается.

И он протянул Арману маленькое тесло, плотницкий топорик с рукоятью из корня арчи.

– Сколько раз ударишь им по земле, столько этажей в твоём доме и поднимется.

Второй дух, похожий на переплетение ветвей, дал ему кожаный мешок-корсак.

– Лишь скажи: «Скот, явись!», и выйдут из него стада, которым не будет числа.

Третий, окутанный туманом, протянул простую фаянсовую пиалу.

– Произнеси: «Еда и питье, наполните!», и чаша эта накормит хоть целый аул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.